

УДК 821.161.1.1.09»19...»

Н. Г. Коптелова

<https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

«Юбилейная» чеховиана Д. В. Философова

Для цитирования: Коптелова Н. Г. «Юбилейная» чеховиана Д. В. Философова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 35-42. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-35-42

В предложенном исследовании анализируются статьи Д. В. Философова «Быт, события и небытие» и «Липовый чай», приуроченные к пятидесятилетию А. П. Чехова, а также к пятой годовщине со дня его смерти и образующие определённое смысловое единство. Прослеживаются их диалогические связи с некоторыми литературно-критическими работами о Чехове, созданными Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. В. Розановым. Доказывается, что названные статьи знаменуют особый этап борьбы Философова за истинного Чехова против «чеховщины» и по-своему аргументируют идеи «нового христианства». Они составляют отдельную главу в критическом «чеховском» цикле, который Философов создаёт совместно со своими творческими соратниками: Мережковским и Гиппиус. Однако в полилоге с ними Философов сохраняет индивидуальную интонацию, его оценки чеховского творчества оказываются более гибкими и точными. Они воспринимаются не только как иллюстрации «религиознотворческой» концепции. По сравнению с Мережковским и Гиппиус, Философов более чутко улавливает смысловые нюансы образного мира Чехова, проявляет больше внимания к художественному своеобразию его произведений. Это сближает его «юбилейную» чеховиану со статьёй В. В. Розанова «А. П. Чехов». Но при этом система оценок чеховского творчества в работах Философова в большей степени, нежели розановские критические высказывания, ориентирована на антиномию «Чехов – чеховщина».

В статье делается вывод о том, что в критическом методе Философова органично соединяются философское, публицистическое и художественное начала. Философов парадоксально «дописывает» произведения Чехова, чтобы показать близость его героев современности. Чеховский образ «липового чая» из «Дяди Вани» критик превращает в концептуальную метафору, определяющую специфику воздействия писателя на сознание его читателей. Философов остроумно переосмысливает крылатые выражения и цитаты из произведений русских классиков для обоснования своей точки зрения.

Ключевые слова: А. П. Чехов, Д. В. Философов, литературная критика, чеховиана, оценки, «чеховщина», Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов.

N. G. Koptelova

«Jubilee» Chekhovian by D. V. Filosofov

A given study analyzes Dmitry Filosofov's articles «Life, Events and Nothingness» and «Linden Tea», dedicated to the fiftieth anniversary of Anton Chekhov, as well as to the fifth anniversary of his death and forming a certain semantic unity. Their dialogical ties are traced with some literary and critical works about Chekhov created by Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius and Vasily Rozanov. It is proved that the mentioned articles mark a special stage in the struggle of Dmitry Filosofov for the true Chekhov against the «Chekhovism» and in their own way they argue the ideas of «new Christianity». They constitute a separate chapter in the critical Chekhov's cycle, which Dmitry Filosofov creates together with his creative associates: Merezhkovsky and Gippius. However, in the polylogue with them, Dmitry Filosofov retains individual intonation, his assessments of Chekhov's work are more flexible and accurate. They are perceived not only as illustrations of the «religious creation» concept. Compared to Merezhkovsky and Gippius, Dmitry Filosofov more sensitively captures the semantic nuances of Chekhov's figurative world, shows more attention to the artistic originality of his works. This brings his «jubilee» Chekhovian closer to Rozanov's article «A. P. Chekhov». But at the same time, the system of assessments of Chekhov's creativity in the works of Filosofov is more oriented than Rozanov's critical statements on the antinomy «Chekhov – Chekhovism».

The article concludes that the philosophical, journalistic and artistic principles are organically combined in the critical method of Dmitry Filosofov. Filosofov paradoxically «completes» the works of Chekhov to show the closeness of his modern heroes. The critic turns Chekhov's image of «linden tea» from «Uncle Vanya» into a conceptual metaphor that defines the specific influence of the writer on the minds of his readers. Dmitry Filosofov wittily thinks over catch phrases and quotes from the works of Russian classics to substantiate his point of view.

Key words: A. P. Chekhov, D. V. Filosofov, literary criticism, Chekhovian, assessments, «Chekhovism», D. S. Merezhkovsky, Z. N. Gippius, V. V. Rozanov.

Несмотря на то, что упоминания о Д. В. Filosofove встречаются во многих исследованиях по культуре Серебряного века, его творческое наследие до сих пор недостаточно изучено [Коростелёв, 2016]. Это относится в полной мере и к его литературной критике, в данный момент находящейся на стадии самых предварительных размышлений [Коростелёв, 2010].

Несомненно, в чеховиану Серебряного века Filosofov внёс свой вклад, масштаб и значение которого ещё предстоит объективно оценить. Творчество А. П. Чехова было предметом его постоянной критической рефлексии. Примечательно, что в конце декабря 1902 года в письмах к С. П. Дягилеву и О. Л. Книппер-Чеховой [Чехов, 1982, с. 105–106] Чехов с присущим ему мягким юмором, но в то же время одобрительно отозвался о философской рецензии на спектакль по пьесе «Чайка» в Александринском театре [Философов, 1902]. Он даже признался Дягилеву в том, что рецензия Filosofova оказала на него вдохновляющее воздействие: «Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января» [Чехов, 1982, с. 106]. В своих рецензиях и статьях 1900-х годов Filosofov одним из первых начал использовать антиномию «Чехов и чеховщина» [Коптелова, 2018], которая затем стала константой в критике Серебряного века в целом [Бушканец Л. Е., 2010, с. 166].

В предложенном исследовании мы проанализируем статьи Filosofova «Быт, события и небытие» (1910) и «Липовый чай» (1910), приуроченные к пятидесятилетию А. П. Чехова, а также к пятой годовщине со дня его смерти и образующие определённое смысловое единство. Проследим их диалогические связи с некоторыми литературно-критическими работами о Чехове, созданными Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и В. В. Розановым.

Можно сказать, что «юбилейная волна» сформировала целый пласт в чеховиане 1910 года. Она стала для многих критиков стимулом для пересмотра и уточнений их представлений о художественном наследии Чехова. Эта «волна» дала новый импульс и «чеховским» изысканиям Filosofova. В «Юбилейном Чеховском

сборнике» (1910) он публикует свою статью «Быт, события и небытие». В ней Filosofov углубляет и развивает оценки чеховского творчества, высказанные в его собственных рецензиях и статьях 1900-х годов. При этом он опирается на статьи З. Н. Гиппиус «Быт и события» (1904) [Гиппиус, 1999, с. 300–312] и Д. С. Мережковского «Чехов и Горький» (1906) [Мережковский, 1914, с. 60–116], в которых Чехов характеризуется как «художник мелочей», создавший особую «эстетику быта» [Гиппиус, 1999, с. 300–312]. Апология «движения», «жизни», «событий», толкуемых как «религиозное действие», приводит Filosofova к отрицанию «чеховщины». Под «чеховщиной» он понимает не только бытописание, утратившее эстетическую актуальность в современной литературе, но и духовную апатию, безверие, заразившие, по его мнению, поклонников таланта Чехова. Критик связывает с «чеховщиной» пессимизм и безволие своих современников, подчинившихся художественным «чарам» автора «Дяди Вани» и «Трёх сестёр» и в результате повторивших ошибки чеховских героев: «Гораздо страшнее безмолвные почитатели. Они поддались гипнозу чеховщины, слились с нею. Они крепко были убеждены, что ни к чему неспособны, что их удел – лишь ныть и мечтать о том, что через двести-триста лет всё будет иначе. <...> Оказалось, что дядям и сёстрам события не по зубам» [Философов, 1910, с. 145]. Трагедию русской жизни Filosofov видит в том, что в сознании читателей рубежа веков «чеховщина» оттеснила истинного Чехова: «Живой Чехов, умевший таинственной силой художественного творчества разрешать трагедии в созерцание, забыт. Восторжествовала чеховщина и заполонила Россию» [Философов, 1910, с. 145]. Чтобы доказать историческую неистребимость «чеховщины», Filosofov использует оригинальный и художественный по своей сути приём: он пытается парадоксально «дописать» известные пьесы Чехова, отождествив логику судеб их персонажей с жизнью реальных людей начала XX столетия, неподвижно застрявших в быте, не способных увидеть за обыденщиной – «событий». Критик предлагает такое «послесловие» к «Вишнёвому саду» и «Трёх сестрам»: «Фирс не то чтобы умер, но и не ожил. Спит летаргическим сном, но может завтра же

проснуться и опять приняться за сушку вишен. Даже Лопехин не сумел построить своих дач. А три сестры по-прежнему стучат на аппарате Морзе. Мечта о Москве исчезла, остался лишь страх жизни» [Философов, 1910, с. 146]. Одним из воплощений «чеховщины» Философов считает «страх жизни», характерный для многих чеховских героев, спрятавшихся в «футляры» от нелепой и абсурдной действительности. Причины этого явления критик видит в отсутствии у персонажей Чехова религиозной веры. Именно духовная беспочвенность, как подчёркивает автор статьи, и заставляет их двигаться от «быта» не к «событиям», а к «небытию». Вспоминая героя рассказа Чехова «Страх», Философов заключает: «Силин боялся жизни, потому что он не мог и не хотел верить, что за обыденщиной нет никакой реальности. Современный Силин уже верит в небытие» [Философов, 1910, с. 147].

Чеховщина, с его точки зрения, «прорастает» и в философско-художественных исканиях Л. Н. Андреева, создавшего драму «Анатэма». Этот вывод был сформулирован критиком ещё в статье «Повседневный героизм» (1909) [Философов, 2010в, с. 291]. В юбилейной статье «Быт, события и небытие» Философов вновь его подтверждает. Анатэма в андреевской пьесе не только художественно воплощает дьявольское начало, но и выступает как «инфернальный герой-provocator», «проверяющий» на прочность христианское миропонимание [Икитян, 2017]. Согласно концепции Философова, он, подобно чеховскому Силину, также встаёт перед стеной «небытия» [Философов, 1910, с. 147].

Финальной точкой размышлений критика становится переосмысление концепции отечественной словесности, созданной Мережковским, разделяющим русских писателей на «вечных спутников» и художников, чьё творчество актуализируется на определённой исторической волне. Философов заключает: «Бедный Чехов! Мы не сумели справиться с ним. Вместо того, чтобы наряду с Гоголем и Тургеневым избрать его в „вечные спутники“, мы в такие спутники избрали чеховщину, сделали её нашей вечной современностью» [Философов, 1910, с. 147].

Таким образом, статья Философова «Быт, события и небытие» не просто перекликается с работами о Чехове, написанными Гиппиус и Мережковским, но концептуально их продолжает и развивает. Она явно ориентирована на проект построения «нового», «динамического

христианства». При этом критические высказывания о Чехове Философова, Гиппиус и Мережковского складываются в творческий полилог. В итоге эти авторы подходят к созданию своеобразного критического цикла, собранного коллективными усилиями и отличающегося смысловым единством. Но при этом роль Философова в реализации этого совместного творческого замысла оказывается отчётливо индивидуализированной. Во-первых, он «достраивает» понятийный ряд, предложенный Гиппиус в статье «Быт и события». Философов вводит категорию «небытия», в итоге формируя следующую триаду: «быт, события и небытие». Во-вторых, в отличие от Мережковского и Гиппиус, он не позволяет себе жёстких, прямолинейных «религиознотворческих» деклараций. У Философова форма выражения авторской мысли, при всей страстной публицистичности, отличается большей опосредованностью, лирико-философской ассоциативностью, по сравнению с его соратниками по созданию «нового христианства».

А вот статья Философова «Липовый чай», опубликованная в том же, 1910-м, году, была написана, как отмечает сам автор, «к пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова» [Философов, 2010а, с. 329]. Показательно то, что параллельно в этом же номере газеты «Русское слово» вышла в свет и работа Мережковского под названием «Брат человеческий». Одновременность публикации статей Философова и Мережковского о Чехове в этом издании можно расценивать как факт эстетической солидарности критиков. Оба автора выступают под одним «идейным флагом» и создают своеобразный психологический портрет Чехова. Общность их критического метода определяется тем, что в своих статьях Философов и Мережковский особым образом используют знаменитый принцип «по поводу», реализующийся в деятельности В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, А. А. Григорьева и многих других авторов XIX века. Этот принцип, наследованный Философовым и Мережковским, по сути, выражает национальную специфику русской критики в целом. Для обоих критиков размышления о Чехове выливаются в манифесты жизнотворчества, имеющего религиозный смысл. Тем не менее, критические опыты Философова и Мережковского в определённой мере разнятся и содержанием, и жанровой формой, и стилем. В статье Мережковского весьма значимо мемуарное

начало. Автор «Брата человеческого» стремится воссоздать, прежде всего, облик Чехова-человека, припомнив все нюансы, возникавшие в его отношениях с писателем [Мережковский, 1991]. Философов же в данной статье предлагает своеобразный «силуэт» Чехова-художника, наиболее полно воплотившего в своей личности черты творца «чистого искусства». Он отмечает: «Чехов до самой смерти остался только художником. Он избегал высказываться по каким бы то ни было вопросам, занимавшим общество.

Конечно, ему приходилось сталкиваться с людьми, самыми разнообразными, высказывать свои мнения. <...> Непринуждённая беседа, меткие характеристики, крайне переменчивое настроение, тонкая, впечатлительная душа, разрешающая свою трагедию в юморе» [Философов, 2010а, с. 329]. Творческая индивидуальность Чехова видится Философову исключительно в проекции «эстетического созерцания»: «У него (Чехова. – Н. К.) была своя логика – художественное творчество» [Философов, 2010а, с. 329]. Категория «эстетического созерцания» в критическом мышлении Философова противопоставляет «религиозному действию». Эта оппозиция восходит к общим принципам литературной критики Мережковского, стремящегося осмыслить особенности художественного творчества писателя, его жизнь и мировоззрение как некое нерасторжимое единство [Коптелова, 2010, с. 135–138].

Симптоматично, что Философов и Мережковский почти буквально совпадают в определении творческой миссии Чехова, далёкого в литературе от «учительства». Оба они называют его художником, ставшим читателям «братом» [Философов, 2010а, с. 329], [Мережковский, 1991, с. 251]. В своём авторском мифе о Чехове Философов также отождествляет его писательскую деятельность с профессиональными занятиями медициной. В таком подходе к интерпретации творческой личности Чехова критик перекликается с В. В. Розановым. Последний в своей статье «А. П. Чехов», напечатанной в «Юбилейном Чеховском сборнике», тоже отмечал влияние врачебной практики на прозу писателя. Но он говорил о «медицинской» жёсткости и предельной объективности художественного повествования Чехова, лишённого пафоса сентиментальности. Розанов заявлял, что «Мужики» Чехова были написаны «рукою не беллетриста, а медика»

[Розанов, 1910, с. 129]. В статье Философова Чехов, напротив, уподобляется «врачу, который помогает не столько своими знаниями, правильной постановкой диагноза, сколько совсем особенным, душевным отношением к пациенту» [Философов, 2010а, с. 329].

И Философов, и Розанов одним из главных художественных достижений Чехова считают развитие весьма характерного для русской литературы типа «маленьких» людей. Философов называет их также «незаметными», «серыми» [Философов, 2010а, с. 329], а Розанов – «средними» [Розанов, 1910, с. 130–131]. В галерею «маленьких» людей Философов вписывает и дядю Ваню, и Иванова, и Треплева, и Астрова, и Вершинина, и сестёр Прозоровых. Отношение Чехова к «незаметным» людям он характеризует через символический образ «липового чая», которым сердобольная нянька Марина потчует профессора Серебрякова. В контексте рассуждений критика «липовый чай» становится метафорой творчества Чехова, наполненного жалостью и состраданием писателя ко всем «маленьким людям» (не только к его героям, но и к читателям): «Но ведь и старая нянька Марина не вылечила капризничавшего профессора, не создала ему успеха, не вернула на кафедру.

Однако она, несомненно, ему помогла. В атмосферу общего недомогания и раздражения она внесла нежную, человеческую ласку. Признала за профессором право быть таким, какой он есть, признала законность его капризов.

– Пойдём светик... Я тебя липовым чаем напою, ножки твои согрею, Богу за тебя помолюсь» [Философов, 2010а, с. 330].

Философов стремится подчеркнуть, что мироощущение Чехова коренится в глубинах русского национального сознания, что оно впитало в себя простонародную мудрость (собственно, ведь и липовый чай издавна считается средством именно народной медицины).

Особенности творческого мышления автора «Дяди Вани» Философов раскрывает по-чеховски сжато и лаконично. В его критическом методе, как у Мережковского и Гиппиус, большую роль играет субъективно-художественное начало. Чтобы акцентировать образный минимализм, сдержанность Чехова-прозаика, Философов охотно прибегает к символическим ассоциациям, выраженным с помощью оригинальных авторских метафор. Например, он пишет: «У Чехова никаких глубин и высот, Пелионов и Осс» [Философов,

2010а, с. 331]. В этой фразе критик иронически пересоздаёт приведённое несколько ранее в тексте статьи крылатое выражение, восходящее к «Одиссее» Гомера (песнь 11) [Берков, Мокиено, Шулежкова, 2020] и характеризующее «космизм» и гиперболизм, присущие художественному видению Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского: «Они воздвигали Пелион на Оссу» [Философов, 2010а, с. 331]. Особую «почвенность» чеховского творчества Философов передаёт через пейзажную зарисовку срединной России, сопровождая её цитатой из плача Ярославны (героини «Слова о полку Игореве»), в котором звучат потаённые струны русской души: «Серенький русский пейзаж, с ёлочками и берёзками, бесконечная, степь, где как бы слышится плач «зегзицы» Ярославны: «О, ветре, ветрило, чему, господине, насильно веешь?»» [Философов, 2010а, с. 331]. Показательно, что аналогичный мифотворческий приём использует в своей «юбилейной» статье «А. П. Чехов» и Розанов. Он также уподобляет художественный мир писателя-современника картине, запечатлевшей неброскую природу «равнинной» России: «...Небо без звёзд, без силы, ветер без негодования, непогодь, дождь, серо, сумрачно <...>» [Розанов, 1910, с. 111]. В сущности, Розанов объективно солидаризируется с Философовым в оценке «чеховщины»: «Он (Чехов. – Н. К.) стал любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обыденщины, нашего «средненького»» [Розанов, 1910, с. 132]. Но как бы жёстко ни характеризовал Розанов «слабости» чеховского творчества, он остаётся верен убеждению, что автор «Вишнёвого сада» смог очень глубоко раскрыть специфику русского национального характера. А потому закономерен заключительный аккорд его «юбилейной» статьи: «В нём (Чехове. – Н. К.) есть бесконечность – бесконечность нашей России» [Розанов, 1910, с. 132]. По мнению же Философова, Чехов не исчерпал до конца жизнь России, поскольку смог художественно воплотить в своих произведениях только один полюс национального сознания. Отсюда желание критика – дополнить творчество Чехова исканиями Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, очертивших в своей прозе противоположный полюс русской ментальности. С точки зрения Философова, эти писатели компенсируют в художественном мире Чехова лакуны, вызванные отсутствием у него серьёзного и глубокого интереса к философско-религиозным вопросам. Духовному максимализму Толстого и

Достоевского критик резко противопоставляет погружённость Чехова исключительно в трагедию земной, обыденной жизни: «Достоевский лелеял русских мальчиков, которые по трактирам «о Боге спорят». Толстой учит, как перехитрить зло, бороться с ним непротивлением. «Мальчики» Чехова никогда не говорят о Боге, да и вообще мало говорят. Им всё как-то некогда, жизнь заела» [Философов, 2010а, с. 331].

Образ «липового чая», заимствованный из чеховской пьесы «Дядя Ваня», превращается в статье Философова в метафорический перифраз «чеховщины», с которой критик ведёт постоянную неустанную борьбу. По его мнению, «липовый чай» оказывается средством, которым Чехов-писатель «лечил не болезнь» [Философов, 2010а, с. 330], а её симптомы. Философов восхищается глубочайшим психологизмом Чехова, его знанием человеческой души, но призывает читателей не поддаваться «соблазну чеховщины» [Философов, 2010а, с. 331], которая проявляется в расслабляющей жалости к себе и другим, в примирении с пошлостью жизни, в духовной инертности. В этой работе Философова явно выражено предпочтение «тенденциозного» словесного искусства, предъявляющего читателю высокие нравственные и гражданские требования. Самоценный эстетизм Чехова, питающийся его художественной «созерцательностью», как считает критик, уходит на периферию современного литературного процесса, так как не даёт читателям импульсов к духовному самосовершенствованию, не формирует действенного отношения к миру: «Он (Чехов. – Н. К.) оставляет всё, как есть, и тихо жалеет людей» [Философов, 2010а, с. 332]. В 1900 – 1910 гг. такая смена аксиологических принципов характерна и для Мережковского [Чудаков, 1996], который в своей дебютной статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888) темпераментно защищал Чехова от нападков критиков-народников и в то же время провозглашал право на существование в литературе как «тенденциозных», так и «нетенденциозных» писателей [Коптелова, 2010, с. 17–49].

В статье «Липовый чай» Философов не отказывается от высочайшей оценки художественного дара Чехова, но не скрывает, что в гуманистической позиции писателя ему не хватает «беспощадной требовательности» к человеку, побуждающей его к активным действиям, духовно преображающим реальность [Философов, 2010а, с. 333]. Критик считает, что

«беспощадные требования» к личности должны предъявлять не только окружающие, но и она сама. Этот вывод Философов воспринимает как веление времени, как своеобразный нравственный императив. Он заявляет: «Мудрый художник пожалел, пощадил нас. Помянем его за это с благодарностью, но сами себя жалеть мы не имеем права».

О, если бы меньше себя жалели, были беспощаднее к себе и требовательнее к другим» [Философов, 2010а, с. 332–333]. Как видим, концепция Философова парадоксально приближается к философии «воинствующего» гуманизма А. М. Горького, художественно транслированной в известном монологе Сатина. И это происходит, несмотря на то, что Горький был постоянным объектом жёсткой критики Философова [Шишкина, 2008], а драма «На дне» однозначно оценивалась им как «бездарное» литературное произведение («О «лжи» Горького» (1903)) [Философов, 2010б].

Свою позицию Философов подкрепляет цитатой из «Былого и дум» А. И. Герцена: «Все мы беспощадны, и всего беспощаднее, когда мы правы <...>» [Герцен, 1956, с. 2], [Философов, 2010а, с. 332]. Но в контексте своих рассуждений эти герценовские слова автор статьи «Липовый чай» подвергает смысловой «перекодировке». Герцен сожалеет о том, что очень часто правота человека соединяется с жестокостью и беспощадностью, что обесценивает саму правоту. Философов же в своём критическом высказывании меняет вектор причинно-следственной связи: он подчёркивает, что правота обязательно сопровождается беспощадностью носителя истины. Категоричные заявления о необходимости выражения в современной литературе «беспощадных» требований к личности, активно стимулирующих её деятельность и стремление к духовному росту, мотивируются «идеями религиозной общественности», активно и совместно разрабатываемой Философовым, Мережковским и Гиппиус в 1910 годы [Коптелова, 2010, с. 199–206, 235–271].

Таким образом, статьи Философова «Быт, события и небытие» (1910) и «Липовый чай» (1910), хронологически привязанные к «юбилейным датам», образу смысловое единство, складываются в авторскую чеховиану. Они знаменуют особый этап борьбы Философова за истинного Чехова против «чеховщины». Кроме того, эти статьи по-своему аргументируют идеи

«нового христианства». Они образуют отдельную главу в критическом «чеховском» цикле, который Философов создаёт совместно со своими творческими соратниками: Мережковским и Гиппиус. Однако в полилоге с ними автор статей «Быт, события и небытие» и «Липовый чай» сохраняет индивидуальную интонацию, его оценки чеховского творчества оказываются более гибкими и точными. Они воспринимаются не только как иллюстрации «религиознотворческой» концепции. Философов более чутко, по сравнению с Мережковским и Гиппиус, улавливает смысловые нюансы образного мира Чехова, проявляет больше внимания к художественному своеобразию его произведений. Это сближает его «юбилейную» чеховиану со статьёй В. В. Розанова «А. П. Чехов». Но при этом система оценок чеховского творчества в работах Философова в большей степени, нежели розановские критические высказывания, ориентирована на антиномию «Чехов – чеховщина».

Критический метод Философова так же, как и у его упомянутых современников, являющихся идеологами «нового религиозного сознания», отличается синтетичностью. В нём органично соединяются философское, публицистическое и художественное начала. В статьях «Быт, события и небытие» и «Липовый чай» Философов мастерски использует приёмы критической оценки, имеющие художественную природу. Например, он парадоксально «дописывает» произведения Чехова, чтобы показать близость его героев современности. Чеховский образ «липового чая» из «Дяди Вани» критик превращает в концептуальную метафору, определяющую специфику воздействия писателя на сознание его читателей. Наконец, Философов остроумно переосмысливает крылатые выражения и цитаты из произведений русских классиков для обоснования своей точки зрения.

Библиографический список

1. Берков В. П. и др. Большой словарь крылатых слов русского языка. URL: <http://getword.ru/ru/slovari.php?word> (дата обращения: 07.04.2020).
2. Бушканец Л. Е. Чехов – писатель русского Апокалипсиса? // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 162–172.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т 9. Ч. 4. Былое и думы. Москва : Изд-во АН СССР, 1956. 362 с.
4. Гиппиус З. Литературный дневник // Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общей ред. А. Н. Николокиной. Москва : НПК «Интелвак», 1999. Кн. 1. С. 165–367.

5. Икитян Л. Н. Дьявольская провокация (статья первая). Христианская онтология и её проверка в драме Леонида Андреева «Анатэма» // Гуманитарная парадигма. 2017. № 2. С. 5–15.

6. Коптелова Н. Г. Антиномия «Чехов и чеховщина» в истолковании Д. В. Филоsofova // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. 2018. № 1. С. 18–25.

7. Коптелова Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 343 с.

8. Коростелёв О. А. Возвращение Д. В. Филоsofova: сделанное и необходимое, мечты и реальность // Филоsofovские чтения: сб. материалов шестых Филоsofovских чтений / сост. Н. В. Анисимова, Р. Н. Антипова, В. В. Булдакова; ред. Л. Я. Костючук, Р. Н. Антипова. Псков : ООО «Логос», 2016. С. 6–13.

9. Коростелёв О. А. Литературная критика Дмитрия Филоsofova // Филоsofov Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–21.

10. Мережковский Д. С. Брат человеческий // Мережковский Д. С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. Москва : Книжная палата, 1991. С. 247–252.

11. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 14. Москва : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1914. 240 с.

12. Розанов В. В. А. П. Чехов // Юбилейный Чеховский сборник: статьи. Москва : Заря, 1910. С. 115–132.

13. Филоsofov Д. В. Быт, события и небытие // Юбилейный Чеховский сборник: статьи. Москва : Заря, 1910. С. 133–147.

14. Филоsofov Д. В. Липовый чай (К пятилетней годовщине со дня смерти А. П. Чехова) // Филоsofov Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010а. С. 329–333.

15. Филоsofov Д. В. О «лжи» Горького // Филоsofov Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010б. С. 46–50.

16. Филоsofov Д. В. Повседневный героизм // Филоsofov Д. В. Критические статьи и заметки 1899–1916 / сост., предисл., примеч. О. А. Коростелёва. Москва : ИМЛИ РАН, 2010в. С. 289–293.

17. Филоsofov Д. В. Театральные заметки. 2 Чайка // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.

18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 11. Письма. Москва : Наука, 1982. 720 с.

19. Чудаков А. П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и Серебряный век. Москва : Наука, 1996. С. 50–67.

20. Шишкина Л. И. О мешанах и «дачниках»: Д. Филоsofov в полемике с М. Горьким // Филоsofovские чтения: сборник материалов третьих Филоsofovских чтений. Псков : Изд-во Областного центра народного творчества, 2008. С. 100–119.

Reference List

1. Berkov V. P. i dr. Bol'shoj slovar' krylatyh slov russkogo jazyka = A big dictionary of catch phrases of the Russian language URL: <http://getword.ru/ru/slovari.php?word> (data obrashhenija: 07.04.2020).

2. Bushkanec L. E. Chehov – pisatel' russkogo Apokalipsisa? = Chechov – the writer of the Russian Apocalypse // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2010. № 4. S. 162–172.

3. Gercen A. I. Sobranie sochinenij: v 30 t. T 9. Ch. 4. Byloe i dumy = Collection of works: in 30 v. V. 9. R. 4. Past and thoughts. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1956. 362 s.

4. Gippius Z. Literaturnyj dnevnik = Literature journal // Gippius Z. Dnevnik: v 2 kn. / pod obshej red. A. N. Nikoljukina. Moskva : NPK «Intelvak», 1999. Kn. 1. S. 165–367.

5. Ikitjan L. N. D'javol'skaja provokacija (stat'ja pervaja). Hristianskaja ontologija i ejo proverka v drame Leonida Andreeva «Anatjema» = Devil provocation (article 1). Christian onthology and its checking in Leonid Andreev's drama «Anathema» // Gumanitarnaja paradigma. 2017. № 2. S. 5–15.

6. Koptelova N. G. Antinomija «Chehov i chehovshhina» v istolkovanii D. V. Filosofova = Antinomy and Chekhovism in the interpretation of D.V. Filosofov // Verhnevolzskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. 2018. № 1. S. 18–25.

7. Koptelova N. G. Problema recepcii russkoj literatury XIX veka v kritike D. S. Merezkovskogo (1880–1917 gg.). = The problem of Russian literature of the XIX c. reception in D.S. Merezkovsky's criticism. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2010. 343 s.

8. Korostel'ov O. A. Vozvrashhenie D. V. Filosofova: sdelannoe i neobhodimoe, mechty i real'nost' = The return of D. V. Filosofov: done and necessary, dreams and reality // Filosofovskie chtenija: sb. materialov shestyh Filosofovskih chtenij / sost. N. V. Anisimova, R. N. Antipova, V. V. Buldakova; red. L. Ja. Kostjuchuk, R. N. Antipova. Pskov : ООО «Logos», 2016. S. 6–13.

9. Korostel'ov O. A. Literaturnaja kritika Dmitrija Filosofova = Literature criticism of Filosofov D. V. // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korostel'ova. Moskva : IMLI RAN, 2010. S. 3–21.

10. Merezkovskij D. S. Brat chelovecheskij = Human brother // Merezkovskij D. S. Akropol': izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. Moskva : Knizhnaja palata, 1991. S. 247–252.

11. Merezkovskij D. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 24 t. T. 14 = Complete collection of works: in 24 v. V. 14. Moskva : Tipografija tovarishhestva I. D. Sytina, 1914. 240 c.

12. Rozanov V. V. A. P. Chehov = A. P. Chekhov // Jubilejnyj Chehovskij sbornik: stat'i. Moskva : Zarja, 1910. S. 115–132.
13. Filosofov D. V. Byt, sobytija i nebytie = Life, events and nothingness // Jubilejnyj Chehovskij sbornik: stat'i. Moskva : Zarja, 1910. S. 133–147.
14. Filosofov D. V. Lipovyj čaj (K pjatiletnej godovshhine so dnja smerti A. P. Chehova) = Lime tea (To the 5th anniversary from death of A. P. Chekhov) // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010a. S. 329–333.
15. Filosofov D. V. O «lzhi» Gor'kogo = About Gorky's «Lie» // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010b. S. 46–50.
16. Filosofov D. V. Povsednevnyj geroizm = Everyday heroism // Filosofov D. V. Kriticheskie stat'i i zametki 1899–1916 / sost., predisl., primech. O. A. Korosteljova. Moskva : IMLI RAN, 2010v. S. 289–293.
17. Filosofov D. V. Teatral'nye zametki. 2 Chajka = Theatrical notes . 2 Seagull // Mir iskusstva. 1902. № 11. S. 46–51.
18. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30 t. Pis'ma: v 12 t. T. 11. Pis'ma = Complete collection of works and letters in 30 v. Letters: in 12 v. V. 11. Letters. Moskva : Nauka, 1982. 720 s.
19. Chudakov A. P. Chehov i Merezhkovskij: dva tipa hudozhestvenno-filosofskogo soznanija = Chekhov and Merezhkovsky: two types of artistic-philosophical consciousness // Chehoviana: Chehov i Serebrjanyj vek. Moskva : Nauka, 1996. S. 50–67.
20. Shishkina L. I. O meshhanah i «dachnikah»: D. Filosofov v polemike s M. Gor'kim = About tradesmen and «summer residents»: D. Filosofov in controversy with M. Gorky // Filosofovskie chtenija: sbornik materialov tret'ih Filosofovskih chtenij. Pskov : Izd-vo Oblastnogo centra narodnogo tvorchestva, 2008. S. 100–119.